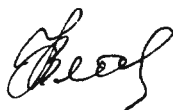

СОРОКОЛЕТОВА Наталья Владимировна

**ДИНАМИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ
В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое,
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2000

Работа выполнена на кафедре русского и сравнительно-исторического языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор *Л.А. Сараджева*.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *В.М. Савицкий*;
кандидат филологических наук,
доцент *Н.Н. Остринская*.

Ведущая организация: Волгоградский государственный
университет.

Защита состоится "13" 12 2000 г. в 15 часов на
заседании диссертационного совета К 113.02.02 в Волгоградском
государственном педагогическом университете (400005, Волгоград,
пр. Ленина, 27)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волго-
градского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 3/11 2000 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000521427

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук, доцент

Е.И. Шейгал

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом данного сопоставительного исследования являются временные обозначения в русском и французском языках с точки зрения их формирования и статуса в современных языковых системах.

Эта тема до настоящего времени не была предметом специального исследования ни в русском, ни во французском языкознании.

Предметом данного исследования является выявление сходств и различий языковых средств номинации (вербализации) темпоральных отношений и свойств в русском и французском языках.

Предлагаемое исследование проводилось с учетом комплексных методов описания средств языковой объективизации понятия «**время**», в связи с чем выявляются и сопоставляются лексические и фразеологические средства, номинирующие **время** в русском и французском языках.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью системного сопоставительного изучения лексики для выявления национальных параметров языковой картины мира, недостаточной изученностью временных обозначений в русском и французском языках.

Лингвистическое время и средства его выражения постоянно находятся в центре внимания лингвистов, однако в большинстве случаев изучению подвергаются отдельные аспекты проблемы: содержание грамматической системы времени в разных языках (Виноградов В.В., 1969; Бондарко А.В., 1989; Гольденберг Т.Я., 1970; Скобликова Е.С., 1971 и др.); выражение временных отношений в простом предложении (Всеволодова М.В., 1975; Мамедсупиева С.М., 1996 и др.); лексические средства выражения времени в разных языках (Аскарова А.Х., 1992; Волянская И.В., 1973; Гак В.Г., 1977; Ищук Д.Г., 1995; Морковкин В.В., 1977; Яковлева Е.С., 1993 и др.).

В основе данных исследований лежит традиционный семасиологический подход к анализу языковых единиц. Рассмотрение разнокатегориальных средств выражения универсальной концепции времени важно для выявления общих и специфических особенностей представлений о времени у носителей разных языков.

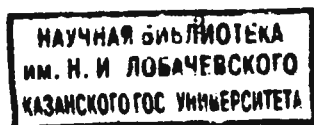
Вопросы, которые изучаются сопоставительной лексикологией, нельзя ограничить рамками традиционного понимания лексикологии или грамматики. В настоящее время можно говорить о целых направлениях в рамках этой общей темы: сопоставительные исследования славянской и балтийской языковой картины мира (Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н., 1974); лингвистические основы балканской модели мира (Гачев Г., 1989; Цивьян Т.В., 1990); изучение славянской языковой картины в аспекте реконструкции духовной культуры славян (Толстой Н.И., 1968; Толстая С.М., 1991; Никитина С.Е., 1993), исследование функциональной семантики оценки и средств ее выражения (Вольф Е.М., 1985; Крейдлин Г.Е., 1993); сопоставительные характеристики лексической и фразеологической семантики (Савицкий В.М., 1993; Телия В.Н., 1999; Шаховский В.И., Панченко Н.Н., 1999; Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 1999).

Еще недостаточно исследований, посвященных сопоставительному анализу *временных обозначений*, в частности, нет работ, которые освещают темпоральную лексику в русском и французском языках. Эту проблему лишь косвенно затрагивает В.Г. Гак, который отмечает абстрактный характер французской лексики в сравнении с русской. В. Брендалль пытается объяснить эту черту французской лексики особенностью французского «духа», видя в ней особенность национального мышления.

Цель настоящей работы состоит в сопоставительном анализе русских и французских темпоральных обозначений как фрагмента физической модели мира.

Реализация **цели** достигается путем решения следующих задач:

- 1) выявить роль *временных обозначений* в системах русского и французского языков как одной из важнейших характеристик духовного развития человеческого общества;
- 2) дать хронологическую стратиграфию *временных обозначений* в русском и французском языках;
- 3) показать специфику восприятия *временных обозначений* носителями русского и французского языков;
- 4) определить совокупность фразеологических единиц, имеющих темпоральное значение;

5) показать социальное значение *временных обозначений* как формы движения и становления бытия в русской и французской языковых традициях.

Помимо обозначенного в задачах выявления лексических и фразеологических средств, оформляющих понятие «время», нас интересует также образно-ассоциативная рефлексия языкового сознания, сопутствующая осмыслению феномена *времени*, и в связи с этим типологические переходы как тождественные, так и специфические в исследуемом лексико-семантическом гипермакрополе.

Научная новизна исследования заключается в определении сходств и различий семантических мотивировок временных обозначений в русском и французском языках, комплексном описании конкретных путей языкового развития в указанной лексической системе, выявлении сходств и различий в восприятии времени русским и французским национальным сознанием.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии основных положений сопоставительной лингвистики, семасиологии, лингвокультурологии, прежде всего применительно к обозначению понятия «время» в русской и французской языковых картинах мира.

Практическая ценность настоящей работы обусловлена возможностью применения выводов и материалов исследования при дальнейшей разработке проблем сопоставительной лингвистики, в теории и практике перевода. Материалы исследования могут быть полезными при разработке лекционных курсов, спецкурсов по сопоставительному языкознанию, а также при составлении тематики курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций.

Материалом исследования послужила авторская картотека, состоящая из 2444 лексических (4257 контекстных употреблений) и 1031 фразеологической единицы, собранных методом сплошной выборки из произведений художественной литературы русских и французских писателей XIX—XX вв., и из этимологических, идеографических, тематических и фразеологических словарей обоих языков.

Методологическая основа исследования

Лингвистическое описание категории *времени* опирается на известные философские и культурологические представления *о времени* как о *циклическом*, *линейном*, *историческом*, *сакральном*, «*переживаемом*» и др. Проблема *времени* рассматривается не только в аспекте языковой релевантности, но и в плане философского осмысления, т.к. именно это осмысление является доминирующим не только для той

или иной культуры в целом, но и для языкового отражения понятий, общих как для научных теорий, так и для обыденного сознания.

Цели и задачи настоящего исследования определили выбор методов исследования:

- 1) сопоставительно-типологический;
- 2) сравнительно-исторический;
- 3) описательный;
- 4) когнитивной интерпретации.

Когнитивный метод в лингвистике базируется на убеждении, что языковая форма в итоге является отражением когнитивных структур или мыслительных процессов человеческого сознания. Нами он использовался при описании процесса формирования лексико-семантического поля «временные обозначения». Для нашей работы немало важное значение имеет теория «семантических примитивов» А. Вежбицкой и постулаты когнитивной семантики (Баранов, Добровольский, 1997).

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены в четырех публикациях, а также в выступлениях на теоретических аспирантских семинарах, на заседаниях кафедры русского и сравнительно-исторического языкознания ВГПУ, на межвузовских и внутривузовских научных конференциях (Волгоград, 1996, 1997).

На защиту выносятся следующие положения:

1. **Временные обозначения** являются диахронической константой человеческого бытия. Их истоки в русском и французском языках восходят к эпохе индоевропейской языковой общности и неотделимы как от сакральной сферы, так и от прагматической деятельности человека, оказываясь тесно связанными с такими конкретными действиями, как «резать, рубить», «делать зарубки», «вращать, крутить» и другими конкретными действиями. В целом русская система временных обозначений более архаична, чем французская.

2. **Возрастные обозначения** в русской и французской языковых традициях обнаруживают четыре возрастных класса (группы), на которые делится жизнь поколения, что находит подтверждение и в других индоевропейских традициях. Подобная градация непосредственно ассоциируется с природными циклами.

3. Определение *возраста по годам* — явление сравнительно позднее, первоначальными значениями для *возраста* являются такие, как *рост, сила, проявление жизненной силы*, что отражается в несовпадении выражения этих понятий в исследуемых языках.

4. В русской и французской языковых традициях четко выделяются два хронологических слоя: 1) древний слой, включающий обозначение *циклического времени*; 2) поздний слой (*социальное, линейное время*).

5. Содержание понятия *время* в обоих языках объемнее одноименной поверхностной языковой сущности и объективируется в значительном количестве лексико-семантических типологических переходов, фразеологических средств.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной литературы, списков лексикографических источников и текстов художественной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, определяются методология и материал исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **первой главе** «Мотивационные процессы временных обозначений и восприятие времени в русской и французской языковых традициях» определяется корпус лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому гипермакрополю «временные обозначения» в русской и французской языковых традициях; описываются и сопоставляются обозначения временного континуума в русскоязычной и франкоязычной культурах.

При описании и сопоставлении *временных обозначений* в русском и французском языках мы опирались на положение о том, что знак в языке есть средство обобщения информации, способной активизировать в голове говорящего гораздо больший объем видения окружающего мира как на основе знаний языка, так и на основе опыта взаимодействия человека с окружающей его действительностью (Е.С. Кубрякова).

Использование феномена *значение* позволит установить совпадение и расхождение в строении семантических пространств в лексико-семантическом поле «время» при сопоставительном изучении русского и французского языков.

В своем исследовании мы рассматривали, с одной стороны, *бинарную* систему противопоставлений, представляющую некоторую об-

шую космическую картину мира (утро — вечер, день — ночь, полдень — полночь, весна — осень, лето — зима); с другой — *линейное* время (миг, мгновение, секунда, минута, час, день, месяц и т.д.).

В связи с этим определяются в системе рассматриваемого гипермакрополя следующие лексико-семантические макрополя (ЛСМП):

1. ЛСМП «время как объективно данная реальность (космическое, астрономическое — циклическое время)».

2. ЛСМП «возрастные обозначения (проекция космического времени на человеческую жизнь)».

3. ЛСМП «линейное (социальное) время».

Обращение к этимологическому материалу позволило обосновать логическую структуру ЛСМП времени в сопоставляемых языках.

Время как объективно данная реальность. В своем исследовании мы использовали индоевропейскую бинарную систему противопоставлений, в качестве исходной лежат эмпирические признаки объективного времени — регулярная смена сезонов — времен года. Эти конкретные классификаторы являются универсалиями для всего человечества, т.к. именно природным ритмам подчиняется жизнь и деятельность каждого человека, живущего во времени и пространстве: и.-е. **aḗs* — «утро» ~ **ḗspero* — «вечер»; и.-е. **dei* — «день» и «обожествленное небо» ~ **nekʷ-t / *nokʷ-t* — «ночь»; и.-е. **wesǵ* — «весна» ~ **es-en* — «осень»; и.-е. **sem* — «лето» ~ **gʰheim* — «зима».

Исследование показало, что в результате анализа русской и французской астральной лексики, связанной с космическим циклом, можно сделать вывод о том, что в системах сопоставляемых языков в целом присутствуют одинаковые семантические признаки в номинации времени.

Рассмотрим бинарную оппозицию «день — ночь». Обозначение *дня* в русском и французском языках восходит к единой и.-е. основе **dei-*, обозначавшей собственно космический культ неба. Слово было связано с обожествлением сияющего неба и светлого времени суток.

В праславянском языке первоначальная и.-е. основа **dei-* распространена суффиксом — *n*. Во французском языке *jour* восходит к латинскому прилагательному *diurnus* — «дневной», образованному от *dies* — «день».

Таким образом, и в русском, и французском языках исходное значение обнаруживает одинаковый семантический признак и входит в единое семантическое микрополе. Космический культ неба, связанный со светлым началом — днем, находит отражение в индоевропейской языковой традиции: и.-е. **dei-*, распространенное суффиксами

*-и и *-en, обозначало не только название дня, но и божество неба: греч. Ζεύς Πάτερ и ἑν-δῖος — «полуденный», лат. **dies** — «день» и **Dies pater** — «Юпитер», др.-инд. **devah** — «бог» и **diva** — «днем», прасл. * **divъ** — «чудо, волшебство» и ***дѣнь** — «день» и др.

День для русских и французов — это единица макрокосмоса, самая естественная органичная система человеческого бытия, которая начинается с восходом и кончается заходом. Обозначение *дня* задает ассоциацию жизненным циклам, являясь слепком жизни бытия во временном преломлении.

Рус. *ночь* ~ франц. *nuît* в своих истоках имеют также единый семантический признак, продолжают и.-е основу **nekʷ-i/*nokʷ-t*. Исследователи восстанавливают первоначальное значение как «исчезать». Это типологически оправдано, потому что ночь воспринималась как «темное время суток», связанное с исчезновением света, тепла и т.д. Со словом «ночь» у древних индоевропейцев было связано представление о том, что в это время вступают во владение миром силы зла, «нечистая сила» и т.д. (ср., к примеру, русское обозначение *непосырь* — *вампис*, «летающий ночью»).

Возрастные обозначения. Все единицы, составляющие макрополе «возрастные обозначения» (МВО), объединяются по характеру дифференцирующих их признаков, которые выявляют моноаспектность интегрирующей семы со значением «возраст».

Весь комплекс компонентов, которые входят в состав МВО, мы разделили на две группы.

1. Временная протяженность [*век, вечность, возраст(пора); рождение, жизнь, смерть; детство, молодость, старость*].
2. Обозначение человеческих поколений и связанных с ним характеристик [*дитя, ребенок, младенец; юноша, мужчина (муж), старик (старец)*].

Возрастной признак, лежащий в основе доминирующей семы, предполагает дробное членение поколений, наименование которых выявляет органическую связь с природными изменениями в организме человека.

Вторая группа русских обозначений распределяется на четыре подгруппы:

- 1) ***orb-** (***orbę**) — ребенок;
- 2) ***jun-** (***jupoхъ, *jupoža, *junakъ, *junьсь**) — юноша;
- 3) ***mǫžь** — мужчина, муж;
- 4) ***star-** (***starьсь, *starikъ**) — старик, старец.

Обнаруживаются сложные лексико-семантические взаимодействия этимологически разных единиц. Производные от корня **jup-* и **mold-* обозначают *молодого человека, юношу* в расцвете природных сил и при этом ритуально наделенного социальными функциями. Славянские языки обнаруживают весь спектр значений — от силы и плодородия (ср. слав. *бычок* в чеш. *junes*, польск. *junies*, серб.-хорв. *јунац* и др.) до ритуализированных обозначений, перешедших в новый возрастной и свадебный класс (ср. рус. диал. *юнец* — «жених», *юница* — «невеста», болг. *юнак* — «молодожен», «новобрачный»), и до обозначения совокупности входящих в данный класс слов, а также границ этого возраста вообще (*юность, юношество*).

И.-е. основа **iǵeǵno* в ее первоначальном значении соотносилась с основами подобного же смысла и была связана с ритуализированными обрядами типа инициации (Сараджева Л.А., 1986). Она обозначала периодически возрождающуюся жизненную силу, ритуальное проявление этой силы в определенном возрасте у всех живых существ и у человека, в частности. В этом смысле *жених* и *невеста* являются персонификацией вечной молодости, ср.: др.-инд. *ayu* — «жизненная сила»; авест. *yu-* — «вечность»; лат. *aevum* — «век» и др., продолжающие и.-е. **iǵeǵno*.

Во французском языке слово *jeune* — «юный» продолжает лат. *iuvenis* — «молодость», «юность», «время полного расцвета сил». Французское слово *jeune* через посредство латинского восходит к тому же и.-е. корню, что и славянское.

Возрастная градация в русском языке в отличие от французского сохраняет актуальные связи с ее мифопоэтическими истоками, в основе которых была аграрная магия — главный стержень языческого культа, где особенно наглядно проявляется ориентация на малый (годовой) и большой (жизненный) циклы (Сараджева Л.А.).

Анализ русских и французских возрастных обозначений позволяет сделать вывод о том, что в системах сопоставляемых языков присутствуют одинаковые семантические признаки, восходящие к эпохе индоевропейской языковой общности. И.-е. корни **gʷei-* — «жить» и **mer-* — «умирать» представлены во многих индоевропейских языках, ср.: рус. «жить» от прасл. **žiti* — «жить» (слово распространено во всех славянских языках), родственно др.-прус. *giwa* — «живет», др.-инд. *jivati* — «живет», лат. *vivō* — «живу» и др.

В славянском языческом пантеоне представлено персонифицированное обозначение *богини жизни* — *Žyva*. Во французском языке сло-

во *vie* — «жизнь» продолжает лат. *vita* — «жизнь» и так же, как и русское слово, восходит к и.-е. **g^hei-*.

К единому индоевропейскому источнику восходит и обозначение смерти, продолжающее и.-е. **mer-* — «умирать». Французское слово *mort* — «смерть» через посредство латинского *morior* также восходит к этому корню, как и слав. **mьreti* — «умирать» и **mогъ* — «смерть». Таким образом, в оппозиции *жизнь* — *смерть* оба члена противопоставления полностью совпадают.

Русская система возрастных обозначений в отличие от французской характеризуется большей архаичностью. В ней практически нет заимствованных слов. Сохранению архаического характера системы способствовали в первую очередь обстоятельства истории расселения славян, оказавшихся изолированными от древних культурных очагов Средиземноморья. Их ближайшими соседями были германцы и балты.

Характеристика системы возрастных обозначений позволяет констатировать ее полифункциональность, в частности, вторичные социальные коннотации, при этом постоянно прослеживается параллельность разных кодов: космического и природного с личным и социальным.

Социальное время. Социальное время, являясь фрагментом ЛСГМП «временные обозначения», сосуществует в *объективном времени* и является исключительно плодом человеческого сознания. Имея как синхронный, так и диахронный аспекты, социальное время соответствует объективным физическим категориям длительности, последовательности событий материального мира.

ЛСМП «социальное время» распределяется на три подгруппы, включающие следующие обозначения:

1. *Время* (общее понятие и точка отсчета): *начало*; *середина*; *конец*.
2. *Протяженность во времени, установленная человеком*: *эра, эпоха, период, век, год, месяц, неделя, день, сегодня, завтра, вчера, час, минута, секунда, мгновение (миг), момент, теперь — потом — затем — (после), перед — во время — после, всегда — частенько — часто (зачастую) — редко — иногда (время от времени, однажды)*.

Русский и французский языки объединяются не только исходной общностью модели *объективного (циклического) времени*, но и типологической общностью в формировании обозначений *социального времени*, имеющего в своей основе схожие черты исторического развития (географическую близость, одинаковое восприятие времени, еди-

ные типы временных циклов, социально-хозяйственный уклад, влияние других языковых традиций и т. п.).

Обозначение времени как социально осознанного термина совпадает в своих мотивационных признаках, связанных с коловращением, коловоротом: ср. рус. «**время**» [заимст. из ст.-сл. **врѣме**, исконное и диал. рус. **веремья** (в литературном языке утрачено)] восходит к и.-е. ***uertmen** < и.-е. **uert-** «вращать», «вертеть» и имеет параллели во многих индоевропейских языках: (ср. санскр. ***vartman** — «колесо, след колеса, путь», лат. **verto** — «вращаю», др.-инд. **vartanam** — «вращение, катание, хождение назад, вперед», «веретено», **vartma** «колея, рытина, желоб».

Французское слово **temps** — «время» продолжает лат. **tempus** — «время». По мнению Р.О. Якобсона, лат. **tempus** — «время» восходит к общему первоначальному конкретному значению: и.-е. ***temp-/ *tomp-** «резать, рубить» (ср. рус. *тупой* < ***top-** букв. «отрубленное»).

Таким образом, и рус. **время**, и франц. **temps** — «время» (из лат. **tempus**) содержат первоначальные конкретные признаки:

- 1) «вращать»;
- 2) «резать, рубить».

К рассматриваемому макрополю относится и слово «год». Поскольку человек отдает отчет в продолжительности и последовательности определенных периодов, постольку с осознанием этих периодов появляется точное измерение времени.

В русской языковой традиции обозначение года как точной единицы времени восходит к праславянскому существительному ***godъ**, которое является производным образованием от глагола ***goditi (se)** с первоначальным значением «прилаживать, приспособить». Ср.: рус. **годить** — «медлить, ждать»; укр. **годити** — «угождать», «нанимать», «договариваться» (Черных П.Я.).

Корень ***god-** восходит к и.-е. глагольной основе ***ghedh-/ *ghodh-** в значении «объединять, соединять», «держатъ вместе». Однако временные обозначения от этого глагола представлены только в славянских языках и практически не имеют и.-е. соответствий. Ср.: чеш. **hod** — «благоприятное время», «праздник», польск. **gody** — «пир, празднество», также пск. диал. **год** — «время, период, благоприятный для развития растений, для урожая» (Фасмер М.).

В.В. Колесов связывает первоначальный семантический темпоральный компонент в лексическом значении данного слова с подведением итогов, т.е. это «время подведения итогов, когда дело сделано (хорошо)», отсюда и значение *праздник* в ряде славянских языков.

Характерной чертой славянского языкового сознания является концептуализация времени по параметру оценочности (ср. рус. год и прил. годный — «подходящий», серб.-хорв. god — «праздник»). Та же положительная оценочность содержится и во французском слове an — «год», продолжая лат. annus — «год» (ср. такие значения во французском, как «урожай» и «продукты года»). Отрицательная оценочность содержится в рус. *година*, *тяжелая година* и франц. *temps pénibles* или *durs, difficiler*.

Таким образом, обозначение года в русской и французской языковых традициях тесно связано с сельскохозяйственным циклом, с прагматической деятельностью человека.

Особую группу в рассматриваемом макрополе составляют заимствования. Лексические заимствования в сфере *временных обозначений* связаны с экстралингвистическими факторами: с историей народа, с историей общественной жизни и философским осмыслением действительности. История заимствованных *временных обозначений* показательна в обоих языках, в особенности при обозначении точных временных интервалов, необходимость в обозначении которых возникла под влиянием технического прогресса.

И в русском, и во французском языках вышеуказанные обозначения имеют латинские и греческие корни. Например, слово «эпоха» в русской и французской языковых традициях имеет общий источник. Если во французский язык оно пришло непосредственно из латинского, то в русский это же слово проделало довольно сложный путь, оно восходит к нем. *Epoche*, которое, в свою очередь, было заимствовано из латинского, а римляне заимствовали это слово у греков: ср. греч. ἑλ οχή 1) астр. «взаимное положение небесных светил»; 2) «задержка лучей от затмения» (ср. и др. значения: «остановка, задержка, прекращение», «воздержание от суждения» (Фасмер М.).

Понятие «эпоха» содержало какое-то ограничение во времени, очерчение какого-то мысленного круга, характеризующего тот или иной отрезок времени, объективно, по своей сути, связанный с астральным временем.

Социальный феномен, каким являются *временные обозначения*, не может рассматриваться как замкнутый и самодовлеющий. Он является зависимым от тех социальных связей, которые характеризуют данное общество. В этой связи так называемые «наивные» представления о времени отражают те социальные связи, отношения, которые возникли в процессе прагматической деятельности человека.

Восприятие времени в русском и французском национальных самосознаниях. Сложность и неоднозначность феноменов времени прослеживается на протяжении всей истории человечества. С одной стороны, в восприятии временных отрезков отражается их эмоциональное восприятие («переживаемое» время), с другой стороны — их прагматическое осмысление. Сопоставление восприятия времени даст возможность выявить особенности его осознания носителями русского и французского языков, т.к. с каждым из временных отрезков ассоциируется своя специфическая семантика. Мы рассмотрели круг интервалов линейного времени в его иерархической последовательности: *время, век, год, день, миг, мгновение, минута, секунда* в их сочетаемости с оценочными прилагательными.

Исследование показало, что русская и французская языковые традиции, наряду с общими, обнаруживают и различные черты в *восприятии времени*, связанные с национальным своеобразием и преломлением в языке, с менталитетом каждого народа. Общие черты фактически отражают элементарные семантические признаки, характерные для эпохи индоевропейской языковой общности, которые совпадают с набором лексических универсалий, охватывающих группы языков. Это множество элементарных семантических признаков (по терминологии А. Вежицкой, — «семантических примитивов») лежит в основе человеческой коммуникации и мышления.

Язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека — это общая черта всех языков. С другой стороны, каждый язык национально специфичен. При этом в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей.

При сопоставлении восприятия времени в русской и французской языковых традициях мы обнаружили следующие специфические черты: русское самосознание в целом отражает большую эмоциональность, чем французское: сочетаемость временных обозначений с прилагательными выявляет «минорный» характер восприятия времени и в ряде случаев даже мистический (время — *безвозвратное, неуловимое*; год — *роковой, грозный, беспросветный*). Существуют сочетания *временных обозначений*, содержащих положительную оценку, которые совпадают с французским, ср.: рус. *в одно прекрасное время* ~ франц. *avoir assez de temps*. Для французского самосознания характерен чисто прагматический, рациональный подход к осознанию времени: *longtemps* — «долгое время», *en peu de temps* — «короткое время»,

prolongation — «добавочное»; год — *exercice* или (*année budgétaire*) — «хозяйственный или бюджетный год», *année de bonne récolte* — «урожайный год», *année scolaire* — «учебный».

Подобный подход в восприятии *времени* обусловлен двумя причинами — внешней и внутренней. Во-первых, во французском восприятии времени ощущается сильное влияние латинской языковой традиции. Как известно, в Риме был чисто прагматический, рационалистический подход ко времени, что не могло не отразиться во французском языке. Вторая причина вызвана тем, что нормы современного французского литературного языка сформировались в XVII—XVIII веках, когда в искусстве господствовала эстетика классицизма с ее стремлением к общему, отвлеченному. Считалось нежелательным употреблять в литературе конкретные, живописные слова. «*N'employez que des mots generaux*» («Не употреблять высокопарных слов»), — рекомендовал Бюффон, один из лучших стилистов той эпохи.

В современном французском языке эта тенденция проявляется прежде всего в некоторых закономерностях словоупотребления, в том числе в сочетаемости *временных обозначений* с оценочными прилагательными: *le temps éternel* — «вечное», *le temps insaisissable* — «неуловимое», *le temps noir* — «черные времена».

Во второй главе «Фразеологические единицы и типологические переходы, характеризующиеся временной значимостью» выясняется, какая информация содержится в значении фразеологических и лексических средств, объективирующих понятие «время»; устанавливается, какие признаки аспекта значения являются релевантными для русского и французского языков.

Своеобразие номинации в каждой из сопоставляемых языковых традиций заключается в том, что каждый народ членит мир по-своему, в соответствии со своим осмыслением и видением мира. Организация элементов опыта, свойственная лишь данной культуре, обуславливает неповторимость индивидуального облика этой культуры сложностью и неоднозначностью объективизации времени на протяжении всей истории человечества.

При исследовании национально-культурной специфики фразеологизмов в рамках сопоставительного подхода необходимо учитывать исключительно обращение к плану содержания. В языке нет ничего прямолинейного, одномерного, раз и навсегда данного: язык — это и система, и антисистема одновременно; это система саморегулирующая, самопорождающая, но и вместе с тем и система социальная,

отражающая быт и нравы его носителей на том или ином историческом отрезке их существования.

В плане содержания, таким образом, выделяются два аспекта: актуальное значение (диктуемое системой языка) и образное составляющее, обусловленное социальным восприятием действительности, культурно-историческими ассоциациями и уникальностью относительно других культурно-языковых традиций.

Именно культурно-исторические ассоциации, связанные с соответствующим денотатом, делают труднопереводимыми для адекватной интерпретации фразеологизмы с одного языка на другой.

В составе языкового поля времени в русском и французском языках мы выделили две группы фразеологических единиц (ФЕ), включающих временные обозначения:

1) с темпоральной единицей: рус. *отдаленные времена* ~ франц. *les hauts temps*, букв. «высокие времена»; рус. *во время оно* ~ франц. *du temps des collets montés*, букв. «во время поднятых воротников»;

рус. *со дня на день* ~ франц. *du jour au lendemain*, букв. «со дня на следующий день»;

2) без темпорального компонента: рус. *до потопу* — «в незапамятные времена, так давно, что это не может быть правдой»; рус. *много воды утекло* ~ франц. *d'ici-là il coulera bien de l'eau sous le(s) pont(s)*, букв. «с этого времени потечет много воды под мостом (мостами)»; рус. *когда рак на горе свистнет (а рыба запоет), когда песок по камню взойдет, когда курица запоет по-петушиному* и т.д. ~ франц. *cela arrivera quand les poulx auront des dents*, букв. «это случится, когда куры будут иметь зубы».

Исследование показало, что и в русском, и во французском языках при образовании ФЕ, имеющих темпоральное значение, используются самые различные денотаты, характеризующиеся рационально-оценочными и мотивационными аспектами значения в их отношении к денотату.

В русском и французском языках ФЕ без темпорального компонента включают в свой состав несколько единиц:

1) з о о н и м ы (рус. *бежать как кролик* ~ франц. *sourir comme un lapin* — «бежать как кролик»; рус. *выскользнуть как змея* ~ франц. *s'échapper comme une anguille* — «выскользнуть как угорь»; рус. *ползти как черепаха* ~ франц. *aller à pas de tortue* — «двигаться как черепаха»;

2) с о м а т и з м ы (рус. *волочить ноги* ~ франц. *traîner les pieds* — «волочить ноги», *avoir des cors aux pieds* — «иметь рога в ногах», т.е. «медленно идти»; рус. *в одно мгновение ока* ~ франц. *en un clin d'oeil* —

«в одно наклонение глаза»; рус. *бежать во все лопатки* ~ франц. *à tire-d'aile* — «во взмах крыльев»; рус. *живой рукой*, т.е. «очень быстро, молниеносно»;

франц. *en un tour de main* — «в оборот руки», т.е. «быстро, мгновенно»);

3) имена собственные и др. (рус. *при царе Горохе, при князе Бобыле, до Рождества Христова, от Адама, в Адамовы веки*; франц. *à la Saint-Glinglin* — «на Святого Глинглина», *vieux comme Mathusalem* — «стар, как Мафусаил», *vieux comme le Pont-Neuf* — «стар, как Новый мост»).

Всего мы проанализировали 207 ФЕ современного русского и современного французского языков. Все ФЕ мы разделили на шесть лексико-семантических макрополей (ЛСМП).

В ЛСМП «время с точки зрения длительности» входят 20 ФЕ современного русского и современного французского языков: рус. *в отдаленные времена* ~ франц. *les hauts temps*, букв. — «высокие времена»;

рус. *до страшного суда* ~ франц. *jusqu'au jugement dernier*, букв. — «до последнего суда»;

рус. *при царе Горохе* ~ франц. *au temps du roi Dagobert*, букв. — «при короле Дагоберте» и др.

В пределах данного ЛСМП мы выделили два основных микрополя:

1) русские и французские ФЕ, содержащие указание на продолжительность/непродолжительность протекания действия (очень долго) — рус. *адамовы веки, мафусаилов век*, ~ франц. *l'âge de Mathusalem* — «мафусаилов век», длительный конечный промежуток времени — рус. *веки вечные* (при этом сохраняется архаичное окончание, ср. *века*), *без конца, до бесконечности* ~ франц. *sans cesse* — «без остановки», *à l'infini* — «до бесконечности».

2) ФЕ, содержащие в своем значении указание на предельность/непредельность протекания действия (*до тех пор* ~ *jusqu'à ce que* — «до тех пор», рус. *до конца дней, века(света), до гробовой доски, до последнего дыхания jusqu'à ton dernier souffle* — «до моего последнего вдоха»); рус. *до скончания века (дней)* ~ *jusqu'à la concommation des siècles* — «до скончания века, до конца света».

Во второе ЛСМП «протяженность временных интервалов» входят 27 русских и 21 французская ФЕ, отражающие понятие о протекании действительности в один из моментов в прошлом, настоящем и будущем. ФЕ данного ЛСМП соотносимы со словами-идентификаторами, обозначают определенный момент и отвечают на вопрос «когда?» (рус. *ни свет ни заря, чуть свет, с раннего утра, ран-*

ным рано ~ франц. *au petit jour*, букв. — «на маленьком дне» (ср. поговорку: рус. «Кто рано встает, тому бог дает» ~ франц. «*A qui se leve matin, Dieu prete la main*»); рус. *черт в ладоши не прохлопал, еще черти на кулачках не бились, на ночь глядя, в ночь — полночь* ~ франц. *a la tombée de la nuit* букв. «при падении ночи»).

В ЛСМП с положительной и отрицательной оценкой входят 17 русских и 15 французских ФЕ (рус. *золотой век* ~ франц. *l'âge d'or*;

рус. *медовый месяц* ~ франц. *la lune de miel*; рус. *черный день* ~ франц. *jour de noir*; рус. *мертвый сезон* ~ франц. *la morte saison*; рус. *тяжелая година* ~ франц. *temps pénibles*).

Все многозначные русские и французские ФЕ мы разделили на две группы. 1) ФЕ, семантика которых полностью включает семантическое поле времени; 2) ФЕ, одно из значений которых позволяет отнести единицу к темпоральному полю, другие — значения ФЕ относятся к смежным полям.

Для примера возьмем рус. ФЕ «бабье лето» и франц. «*l'été de la Saint-Martin*». Как в русском, так и во французском языках, ФЕ «бабье лето» ~ франц. «*l'été de la Saint-Martin*» — «лето Святого Мартина» имеет значение — *короткая пора в начале осени с ясной, теплой погодой, ясные, теплые дни ранней осени* (С.И.Ожегов). *Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето — осень ядреная...»* (Бунин. Антоновские яблоки).

Le temps se mettait au beau, il était un jour d'été de Saint-Martin et le soleil brillait dans le ciel pâle... (L. Michel, J. Guetre, La misère).

(Погода разгулялась, стоял прекрасный день «бабьего лета», и солнце сияло на бледном небе... (перевод В. Дмитриева)).

На основе прямого значения ФЕ и в русском, и во французском языках развилось переносное: «вторая молодость, период расцвета в жизни человека», которое выявляется на фоне связей ФЕ со словами, обозначающими человека: *Если бы судили за мысли, едва ли кто избежал виселицы. Даже святые схимники, не то, что стареющая грешная женщина в самой опасной поре бабьего лета, как принято называть печальную пору последнего цветения, за которым пустота, бесплодие, холод умирания* (Нагибин. Как был куплен лес).

Gaston.- Une passion de l'an dernier que je croyais morte de froid et qui, après mon mariage, a eu son été de la Saint-Martin (E. Augier et J. Sandeau, Le Genche de monsieur Poirier).

Гастон. — *Это прошлогоднее увлечение. Я считал его умершим собственной смертью, но после моей женитьбы оно вспыхнуло с новой силой* (перевод В.Г.Гака).

Как видно из приведенного выше примера, многозначные ФЕ обладают сходным характером системных отношений между отдельными значениями. Различия между отдельными значениями многозначных ФЕ сводятся к разным признакам по степени абстрактности смыслового содержания: вторичные значения более абстрактны, чем первичные.

В ЛСМП с ярко выраженной положительной оценкой как в русском, так и французском языках выступают омонимичные ФЕ (рус. *доброе утро* ~ франц. *le bon matin*; рус. *добрый вечер* ~ франц. *bonsoir*, а также пожелание при прощании рус. *в добрый час!* ~ франц. *à la bonne heure*) и антонимичные ФЕ (рус. *черный день* ~ франц. *jour de noir*, рус. *золотой век* ~ франц. *l'âge d'or*, рус. *светлая минута* ~ франц. *un bon moment*).

Если мы сравним общес значение рус. ФЕ «*черный день*» и франц. ФЕ «*jour de noir*» — «трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастья»; рус. «*золотой век*» и франц. «*l'âge d'or*» — «счастливые времена существования», то увидим, что словарные определения содержат взаимоисключающие элементы *счастливый* — *несчастный*.

Таким образом, прилагательные «*черный*» и «*золотой*» ~ *poir et d'or* в составе ФЕ со значением времени (интегральная сема) и дифференциальной семой «состояние человека» (ср. рус. *счастье* — *несчастье* ~ франц. *bonheur* — *malheur*) являются словами-символами, т.к. черный цвет имеет значение *ненависти, печали, зла, смерти*, а золотой — *света*. Отсюда противоположные значения: *черный* — *несчастный* ~ *poir* — *malheureux*; *золотой* — *счастливый* ~ *d'or* — *heureux*.

Итак, в составе русских и французских ФЕ ЛСМП с ярко выраженной оценкой реализуется переносно-метафорическое значение прилагательного, сохраняется связь с его прямым значением.

ЛСМП «*Физическое состояние человека (о смерти)*» вслед за О.А. Михайловой мы делим на три микрополя: «умирать», «умереть», «быть мертвым».

В микрополе «умирать» рассматриваются единицы, описывающие состояние умирающего. В эту группу входит 12 ФЕ русского языка и 9 французского (рус. *на смертном одре лежать, душа с телом расстаётся, дышать на ладан, не жилец на белом свете, его песенка спета* ~ франц. *être à l'article de la mort*, букв. «быть на статье смерти»;

filer un mauvais coton, букв. «прясть плохой хлопок»; *il a son affaire*, букв. «он имеет свое дело».

В состав микрополя «умереть» включается 26 ФЕ русского языка и 9 ФЕ французского. В пределах данного микрополя нами выделено 8 групп.

1. Представление о смерти как об окончании жизненного процесса, расставании с существованием на земле: *оставить здешний свет*, *покинуть белый свет* и др.

2. Представление о смерти как уходе человека в иное место существования, перемещении его из одной среды обитания в другую: рус. *отправиться на тот свет*, *уйти в лучший (иной, другой) мир*, *отправиться к праотцам*, *загребеть к богу в рай*, *уйти из жизни*, *отойти от мира* ~ франц. *partir pour l'autre monde*, букв. «уехать ради другого мира»; *renoncer au monde*, букв. «отказаться от мира»; *aller a pâtres*, букв. «отправиться к пастухам» и др.

3. Смерть как получение, приобретение нового (по сравнению с жизнью) состояния, встреча или объединение с кем-либо или чем-либо: рус. *найти себе конец (кончину, смерть, могилу)*, *принять мученический венец* ~ франц. *у trouver sa mort*, букв. «там найти свою смерть» и др.

4. Уподобление смерти сну : рус. *заснуть (уснуть, почить) вечным (последним, могильным, непробудным) сном* ~ франц. *dormir du sommeil éternel*, букв. «засыпать вечным сном» и др.

5. На принципе обозначения состояния, результата по его частному, но характерному проявлению основаны ФЕ, объединенные в семантическую модель: рус. *отдать, отпустить, выпустить душу*; *испустить дух*, *испустить вздох*, *дух выйдет (из тела)* ~ франц. *expirer* — «испустить дух» и др.

6. Особую группу составляют ФЕ, заключающие в себе мысль о Боге: рус. *Господь позовет (позвал)*. *Господь пошлет (послал) по душу (кого)*. *Бог (Господь) прибрал (приберет)* ~ франц. *être devant Dieu* — «быть перед Богом», *rendre son âme a Dieu* — «вернуть свою душу Богу») и др.

7. Указание на действия, сопутствующие моменту смерти, на позу умершего человека: рус. *закрывать глаза*, *отбросить (откинуть) копыта*, *протянуть ноги*, *откинуть коньки* ~ франц. *sloer l'oeil* — «закрывать глаза», *s'en aller les pieds devant*, букв. «протянуть ноги» и др.

8. Последнюю группу составляют ФЕ, имеющие в своем значении дополнительный оттенок внезапности: русские ФЕ *только и жил*, *карачун пришел*, *кондрашка хватил (стукнул, пришиб)*, *дух вон (из*

кого), *дать дуба* и др. не имеют фразеологических эквивалентов во французском языке.

Центральное микрополе ФЕ со значением «быть мертвым» составляют единицы, описывающие это состояние через сопоставление со сном: рус. *покоиться (спать) вечным сном* ~ франц. *sommeil éternel* — «вечное успокоение» и др.

Рассмотренные группы отличает разнообразие структурных моделей, по которым организуется фразеологический материал, обилие различных ФЕ.

Как видно из фактического материала, в каждом из сопоставляемых языков существует ряд специфических национальных единиц. Национальное своеобразие ФЕ проявляется не столько в семантике самих ФЕ, сколько в их внутренней форме — фразеологических образах, мотивирующих эту семантику.

Помимо выявления лексических и фразеологических средств, минимизирующих понятие «время», нас интересует также образно-ассоциативная рефлексия языкового сознания, сопутствующая осмыслению феномена времени и в связи с этим — типологические переходы, характеризующие мышление носителей русского и французского языков.

Мы выделили 8 сфер типологических переходов, характеризующих утратой темпорального компонента и приобретением новых сем и коннотаций: «Культурная», «Духовный мир человека», «Прагматическая деятельность», «Природные явления», «Физический мир», «Военная сфера», «Религиозная сфера» и «Место в пространстве и времени».

Статистический анализ выявленных типологических переходов показал, что всего переходов 71, из них общих — 25, специфических — 46, при этом во французском языке по отношению к русскому отмечается больше типологических переходов, что, по-видимому, связано в широком плане с менталитетом данного народа и особенностями в отражении языковой картины мира.

Во французском языке значительно больше типологических переходов в сфере «Духовный мир человека», в частности, эмоциональной (франц. *jour* — «день» — *homme journalier* — «капризный, непостоянный человек», франц. *mort* — «смерть» — *le dernier des mortels* — «худший из худших, подонок» и т.д.).

Как в русском, так и во французском языках, существуют параллельные переходы, отражающие прагматическую деятельность человека, ср.: рус. *день* — *поденщик* ~ франц. *jour* — *homme de journée*;

рус. яр «весна» — *яровизация* ~ франц. *printemps* — *printanisation* и т.д.).

Образцом параллельного перехода в обоих языках является: рус. *час* — *часослов* ~ франц. *heure* — *livre d'heure*, который взаимодействует с культурной сферой.

Таким образом, на основании приведенных примеров можно сделать вывод о том, что как в русском, так и во французском языках, отмечаются параллельные типологические переходы, связанные с функционированием языка в пространстве и времени и отражающие одинаковое восприятие тех или иных процессов, характерных для данного общества.

Устоявшимся мнением является точка зрения о бедности и слабости французского словообразования (В.Г.Гак). Сопоставительный анализ русских и французских слов в составе типологических переходов, образованных от *временных обозначений*, позволяет сделать вывод, что французское словообразование так же, как и русское, проявляет здесь большое разнообразие и гибкость средств: *livre d'heures* — «часослов», *vieux croyant* — «старовер», *une mort-aux-rats* — «отрава для крыс», *de jour* — «дежурный», *temporisation* — «выжидание», *hivernage* — «зимовка» и т.д.

Суффиксами *-ier*, *-eux* можно образовать наименование лица почти от каждого существительного: франц. *homme journalier* — «капризный», *heureux mortel* — «счастливчик». Суффикс *-tion* обозначает процесс не только как действие, но и как определенное состояние (ср. франц. *temporisation* — «выжидание»), с помощью данного суффикса образуются термины, относящиеся, в частности, к сельскохозяйственной сфере (ср. франц. *printanisation* — «яровизация»).

Французский суффикс *-age* обычно присоединяется к основам переходных глаголов, он указывает на конкретное значение существительных (франц. *hivernage* ~ рус. *зимовка*). Суффикс *-ment* показывает результат действия либо процесс, происходящий в человеческом организме (ср. франц. *vieillessement* ~ рус. *старение*).

Словопроизводство во французском языке в рассматриваемом лексико-семантическом поле *временные обозначения* во многих случаях представлено продуктивной словообразовательной моделью.

В заключении диссертации обобщены основные результаты исследования. Проведенный анализ лингвистического материала показал, что *временные обозначения*, в том числе и такое абстрактное понятие, как *время*, связаны с конкретными действиями и конкретными пред-

ставлениями о вечном возвращении, поскольку космос вечно нарождается, вечно расцветает, вечно погибает и так — до бесконечности. Идея *вечности*, по нашему убеждению, восходит именно к идее вечного коловорота жизни и *времени*, представленной в античных традициях. Соотнесенность данных представлений с мифологической картиной мира, которые объединяют русский и французский языки, служат основой идентичного восприятия *времени*. Однако индивид «с наследственной памятью коллектива» (Ю. Лотман) получает не только древние, но и наслоившиеся за века нюансы, свойственные данной языковой традиции, следовательно, неизбежны расхождения в интерпретации *временных обозначений*.

Образование фразеологических оборотов, объективирующих понятие «время», происходит, преимущественно, на основе метафоризации. Абсолютное большинство ФЕ как в русском, так и во французском языках, восходят к народным метафорам, метонимиям, сравнениям и т.д. Такие образные отражения действительности определяются социальным опытом индивидуумов. Онтологически ассоциативные связи отражают определенные принципы, способствующие группировкам тех или иных элементов во фразеологическую единицу. В основе этих принципов лежат следующие аспекты значения:

- денотативный, содержащий дескрипцию обозначаемого;
- пресуппозитивный, указывающий на предусловие реализации;
- рационально-оценочный, выражающий ценностное отношение говорящего, использующего ФЕ к денотату;
- мотивационный, указывающий на те признаки гештальт-структуры, которые присутствуют во ФЕ на фоне денотата и оценки.

Расхождения в метафорическом осмыслении понятия «время» в русском и французском сознании обусловлены тем, что в каждом из них проявляется менталитет народа: русское самосознание склонно к мистицизму и покорности, обусловленным общим трагизмом русской истории, а французское — к рационализму и более оптимистичному восприятию жизни и времени (ср. рус. *беспросветный год* и отсутствие аналога во французском).

В перспективе для выявления констант русского и французского самосознания целесообразно обратиться ко всему культурному тезаурусу, отраженному в языковых системах, ко всему потенциалу философской мысли, литературно-историческим памятникам, фольклорным текстам, в которых находит отражение феномен *времени*.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. К истокам русских возрастных обозначений // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 24 мая 1997 г. Волгоград: Перемена, 1997. Вып. 3. С. 21.

2. Заимствования в лексико-семантической группе «социальное время» (на материале русской и французской языковых традиций) // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 24 мая 1999 г. Волгоград: Перемена, 1999. С. 27—28.

3. Семантическое макрополе «Время как мера земного бытия» (К истокам русских возрастных обозначений) // Семасиологические аспекты значения: Сб. науч. ст. Волгоград: Перемена, 1997. С. 46—53. (в соавт. Л.А. Сараджева).

4. Сопоставительный анализ одной лексико-семантической группы в русском и французском языках // Русский язык в школе. 1998. №3. С. 75—79.

5. Значение лексикографических данных для сопоставительных исследований (на материале временных обозначений в русском и французском языках) // Актуальные проблемы современной лексикографии. Словарная работа в школе и в вузе. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 1999. С. 164—169 (в соавт. Л.А. Сараджева).

6. О некоторых иноязычных словах, обозначающих социальное время в русском и французском языках // Русский язык в школе. 2000. №2. С. 94—95.

Научное издание

СОРОКОЛЕТОВА Наталья Владимировна

**ДИНАМИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ
В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

А в т о р е ф е р а т

ЛР № 020048 от 20.12.96 г.

Подписано к печати 2.11.2000 г. Формат 60 х 84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ *128*.

Издательство «Перемена»

Типография издательства «Перемена»

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27. ВГПУ

200